

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

РУБИНОВАЯ ПРОРУБЬ

РАССКАЗ

Если бы все это буйное разнотравье, да и камни, и вязкий чернозем могли помнить и говорить?! Как хорошо, что они безмолвны, иначе бы сошли с ума. И камни, и чернозем, и травы.

Сейчас, чтобы пробраться к памятнику одной из первых коммун на Кубани, нужно всего ничего: свернуть с дороги, ведущей на дачи.

Свернул и — вниз, мимо громадного особняка с тяжелой бронёй, воротами, кирпичной сторожевой башней. Вот-вот послышится металлический скрип подъемного моста. В приоткрытый створ ворот виден широченный бассейн. А в окнах первого этажа теснится еще не расставленная мебель и утварь, необходимая в богатом доме. Всякие там джакузи, биде.

И сам особняк, “дачный домик”, расположился разлаписто, но сурово. Лев на покое, и все тут...

Спустившись ниже, увидишь нищий, без призора камень в грязно-зеленой то ли краске, то ли известке. Камень имеет форму двух пирамид, поставленных одну на другую и вросших друг в друга. Что символизирует многогранник? Неизвестно.

Фотография в овале. Четкие, я бы сказал, аскетические черты лица, рубаха-косоворотка. И стальные в фанатическом муаре глаза. Такие только

ИВЕНШЕВ Николай Алексеевич родился в 1949 году в селе Верхняя Маза Ульяновской области. Окончил Волгоградский пединститут им. А. С. Серафимовича. Автор книг “За Кудыкины горы”, “Портрет незнакомки”, “Казачий декамерон” и других. Член Союза писателей России. Живет в ст. Полтавской Краснодарского края.

у боярыни Морозовой я видел, на картине. И, наверное, были такие глаза у ссыльного за идею протопопа Аввакума.

Здесь в начале двадцатого века на берегу реки Кубани начинали жить по-новому. Так, как учили французский граф Сен-Симон и русский князь Петр Кропоткин. Жили общиной. Ели из одного котла, спали под навесом, плуги да бороны тягали от зари до зари, громко разговаривали на людях, искренне верили в революцию, в ее справедливую, шершавую, пахнущую порохом ладонь.

Отстаньте, писарчуки-щелкоперы нового века! Нет, не имели, не имели общих жен. Это чересчур претило казачьему домострою. Это не могли пересилить в себе. Красные косынки, буденновки-шеломы, как у Николая Островского. А, наверное, любили. Конечно, любили. Тайком. И как-то молодые люди проявляли свои чувства. Где они их проявляли? На воле, в “куширах”, на бережку. Наскоро. Но ведь рождались же дети. И эти дети не хотели быть общими, хоть и приглядывала за ними стряпуха.

Задюр! Это фамилия главного коммунара, одного из “протопопов” нового, прекрасного мира. Русский? Прибалт? Еврей? Немец? Хохол? “Биг знае!” — балакают здесь.

Исчез даже Китеж-град. А уж коммуна!

Утопия на то она и утопия. Все пропало. Речной волной смыло. Надфилем зачистило, наждачкой-нулевкой. И революционное буйство. И порыв. И “варнички” на Первое мая. Кумачовые косынки, уха из закопченного медного котла — церковного колокола, гармошка, пот, грязь, лирика и трагедия общинной жизни.

Дети, родившиеся здесь, уже дорастали в станице Марьянской. И они, существа одушевленные, не грязь, не камень, не резеда и фиолетово-красный татарник, видели еще одну новую жизнь. А именно — стреляющие выхлопными трубами мотоциклы, слышали немецкую отрывистую речь. Во все глаза глядели они на чужих людей, на этих юрких и сноровистых, аккуратно причесанных-прилизанных солдат, на офицеров, кивающих друг другу и выбрасывающих вперед руку при встрече. “Цвай унд цванциг”, “драй унд зишциг”. Это было жутко интересно. И можно было, если чуток мозгой пошевелить, стибрить что-нибудь из оружия, гранату, “шмайссер”. И тогда Сталин бы узнал, что вот — у немца стащили. И дал бы орден. Рубиновый, как звезды на Кремле.

Немцы — чистюли. Они холодным своим, рациональным умом придумали автомобили для очистки от грубого человеческого материала. Машины они сделали исключительно добротнo. Крепко!

Помощники бездушных немцев, слабые духом русские внесли в эту выкройку художественные детали. На кибитках-кузовах они писали “Баня”, “Клуб”, “Столовая”.

Чем-то эти агрегаты напоминали машины-походки. Только что из выхлопной трубы дизельные отработанные газы подавались в “салон”, в набитый “русишшвайнами” герметичный кузов.

Но уничтожали по спискам и традиционно. По первому и по второму списку, составленному полицией же, истребили всех, в том числе и коммунаров Задюра.

Вот согнали в комендатуру и, чтобы сильно не волновались, гав-гав, “цвай унд цванциг”, в тюрьму, в Краснодар. Будет вам там и “буттер” и “брод”. Хлеб с маслом. Колонну провожали и наши-полицай, и немцы. Уже холодно, декабрь. Кубань уже тонким льдом схватило.

Списочному составу не холодно. Конвоиры-немцы в воротники шинелей жались. Полиция пританцовывала. Откуда-то у них старые казацкие шапки появились на боках. И новое начальство разрешило носить эти тесаки.

Раз-два, айн-цвай, быстро, шнель, твою мать. За бутербродами!

А полицаям — какао. Теперь они всегда будут пить какао с молоком.

Шли-шли. И вдруг “правое плечо — вперед”, свернули к реке. К Кубани родной, где еще летом туго рыба плескалась.

Вот она, тюрьма, вечная.

Честные германцы обманули. Неохотно они это делали, лениво как-то, сонно, с прищуром. И целились не особенно точно. Все вверх да вбок. Толь-

ко пули зря пускали. Но кто-то все же свалился. И лед внизу, под крутым берегом, серый лед ударил снизу кровавой слезой.

Плохой стрелок немец. Тогда их главный моргнул и рыжей бровью повел, и стал опять шинельку свою на голову натягивать.

Взяли в руки сабли, старые, каленые, еще с первой мировой запряжанные. И тесаками. Да хлысть, да еще хлысть. Напополам, как яблоко наливное. И пока валится — плечом к берегу, вниз.

Опять балакают, помнят же нынешние марьянцы: “У одной женщины вначале руки отсекли, а потом на ее же глазах и девочку-дочку”. Тонкий лед не выдержал горячей крови и тяжести. Прорубь образовывалась. Рубиновая, как крой кумача. И стали в нее дергающиеся, агонизирующие трупы скатываться, как на салазках.

После дрожали все. И немцы. И эти вот... Без имени, без нации.

На “третий список” немцев не хватило. Их вытурили чумазы танкисты. Потомки скифов и сарматов. Но скифы сдирали с врагов шкуру для переметных сум. Эти, покругившись на гусеницах, укатили дальше.

И сколько времени прошло? Мало... И много...

И отомстилось рубакам-полицаям.

Их тоже ликвидировали “механизовано”. С чистотой и точностью. “Орднунг” — “порядок”. Но как-то напоминает “орду”.

Казнили “зондеркоманду” и усердных приспешников ее с убудочными лицами. Вейх, Псарёв, Жирухин.

Зондеркоманда СС 10 А. Вот как она называлась.

Что-то похожее на “Зонд”, солнце то-есть. У немцев “Зонга” — воскресенье.

Неужели “солнечная команда”?

И привезли свежешкурные сосновые столбы, скобы, провода. Сначала думали: радио проводить, а потом оказалось — для виселиц.

Что народ? Одобрял и глаза прятал... Не любят этого русские.

Полторки с деревянными кузовами чуток поддавали газу. Отъезжали от столбов. И уходила из-под ног земля, на которой они услужливо и удало “раскалывали” саблями земляков — коммуны.

Сколько бы ни писали о поисках Китеж-града: а тут и оперы, романы — все мимо. Не находится русская утопия. Будь хоть трижды Римским-Корсаковым.

А наша утопия? Вот она. И приметы ее налицо. Течет Кубань. Тяжело и серо, волны цинковые. На высоком новом бережку сохнут травы. Весной они зелены, а осенью рыжие до кровавости. Оторопь берет.

И ничего.

Тут бы Спас-на-Крови построить. Церквушку хоть какую, часовенку...

Но...

Не “нокай” на душу свою!

Из нового “супер-пупербогатого” дома, из широких ворот выскакивает девчонка. Чья она — не наследница же этой роскошной недвижимости. Узкая талия, тонкие брови, голый пупок на плоском, модном животе. Не девочка, не девушка. Аэлита, марсианка. Элита? И какая-то она вся воздушная, прыгучая. А может, и наследница?! Биг знае...

За что судить беззаботную юность? Этого лягушонка, приобретающего облик царевны? Не судьи мы. “Не судите и не судимы будите”. Это Божий Завет.

И ведь не знает “племя младое, незнакомое” про коммуны Задиора, про вечное наше “ледовое побоище”. Сотовый телефон в бирюзовой сумочке на шее. Из него вырывается бесхитростная песенка “Какао-какао”. А потом о том, что погоду в доме легко уладить “с помощью зонта”. И коленки у этой тростинки ритмично дергаются.

Пусть она потанцует.

Я же помолчу. И тусклое небо стряхивает с себя холодные, мелкие слезы.

ВИДЕНЬЕ ОТРОКА

РАССКАЗ

Косову надо было попасть в город.

Но дорогу передудло. Зима, как всегда, издевалась над южанами. И каждый год южане разводили руками: “Синоптики накликали!”

Но в этот раз на Рождество установилась действительно суровая погода. Минус тридцать и ветруган. По остекленевшим, почти пустым дорогам скользили, как гигантские хоккейные шайбы, только черные “джипы” с тонированными стеклами.

Позвонив знакомым, Косов все же нашел “лайбу”. Везли из реабилитационного центра мальчишку для консультации с краевыми врачами-специалистами.

Что такое “реабилитационный центр”, Петр Иванович Косов не знал, за какую такую провинность пацанчик был наказан, да так, что его необходимо было реабилитировать в центре. И кто такие “врачи-специалисты”? Разве есть врачи-неспециалисты?

Дополнительную, ненужную информацию он все же проглотил из телефонной трубки. От Геннадия Николаевича Птушко, товарища по преферансу и станичного всезнайки. “Реабилитационный центр” — это центр временного содержания детей, у которых никудышные родители, пьяницы. А “врачи-специалисты” — просто те врачи, которые конкретно занимаются легкими, нервами, сердцем и ни в какие другие участки организма не лезут.

“Лайба” оказалась тем самым транспортом, у которого название четко соответствует содержанию. Это был темно-зеленый “уазик” с выступившей над колесами, как подмышками, солью. Щели в двери с палец толщиной. Но вот мотор “уазика” находился в кабине и салоне одновременно. Он тонко дребезжал прикрытой овчиной крышкой, но все же струил тепло.

Водителя “лайбы” звали Алексеем Ивановичем. Его стариком не назовешь. Он — мужчина в солидном возрасте с длинными узловатыми кистями рук, круглой, розовой плешью и седой куделью волос. Всё — руки, плешь, седина казались новыми или хорошо отмытыми.

Алексея Ивановича все звали именно “Алексей Иванович”. И когда что-нибудь надо было сказать ему, вначале прокашливались. Это был явный знак уважения.

Пассажиры микроавтобуса тоже достойны описания.

Медсестра Валя. Крашеная блондинка. Розовощекая, с крупными кольцами волос, пружинисто выпрыгивающими из берета. Валя брезгливо совала соломенные волосы в свой головной убор. Но они вырывались из плена. Её яркий, в красной помаде, рот иногда дергался. И лишь только когда медсестра оборачивалась назад, приглядеть за мальчиком, на лице её выступала озабоченность.

У мальчика, ему лет двенадцать, было лицо отрока Варфоломея. Петр Иванович хорошо помнил спокойную картину художника Нестерова. Ему нравилось то, что у светлого мальчика-отрока во всем его облике просвечивало тайное и грустное знание. И еще кротость.

На пластиковом столике у барьера, частично разделяющего водителя с пассажирами, стояла банка с кабачковой икрой, блеклая тарелка с двумя кусочками хлеба и маленьким, бурым яблоком. Для мальчика. Для Варфоломея.

Спутниками Косова были и другие, совершенно незнакомые ему люди.

Парень с мокрыми волосами. Эдик. Мокрые, в крупную полоску, волосы сделали ему в парикмахерской. Они были фальшиво мокрыми, то есть создавалась видимость влаги. На самом деле шевелюра у Эдика была суше пороха в пороховницах Тараса Бульбы.

Эдик все время подкачивал скачущей, белокурой красоте в джинсах, Лене. Голубые эти брюки туго обтягивали ноги фигуристой девушки и чуть

повыше колена были порваны. Порваны тоже специально, потому как беленькая полоса в джинсе наводила на мысль о чем-то смутно-греховном, порочно-притягательном. Разрыв этот и “влажные” волосы Эдика были родственнымиками. Последним пискom дошедшей до станицы моды.

Лена оказалась разговорчивой, но обращалась она чаще всего не к Эдику, а к сидящей в заднем углу салона (гмм...у “лайбы”-то — салон?) женщине. Эта особа показалась Косову совершенно удовлетворенной жизнью, своей сытостью, своей дубленкой с косичками из песцового меха, даже такой вот уникальной поездкой под завывание пурги.

Ее звали Надеждой Петровной. И, что удивительно, лицо у Надежды Петровны было вполне заурядное, на нем виделись даже остатки угревой сыпи. Но лицо это, из-за крепкой уверенности в свою успешность и исключительность, можно было бы назвать красивым.

Косов по жизни погряз в парадоксах. Он почему-то решил, что она еще мертвее, чем губастая медсестра Валя, что она вся пустая и искусственная. На жидких кристаллах.

Надежда Петровна постоянно вынимала из своей кожаной, морщинистой сумки кiset, в который был помещена неестественно широкая телефонная трубка. Она перебирала розовые угольки своими перламутровыми ногтями. И Косов в порядке бреда допетрил: перезагрузка. Не перебирай Надежда Петровна пальчиками, перламутром своим, и утхнет она, как фантом. Не особа — Цифра.

Он поежился.

Микроавтобус еле полз. Катились на нейтралке. Косов поскоблил заиндевевое стекло. Тормознули возле бензоколонки. В открытую Алексеем Ивановичем дверь ворвались клубы снежного пара, и это еще раз заставило Косова ощутить озноб.

Заправлялись недолго.

Водитель легко запрыгнул на сиденье, стряхнул снег со своей кудели. Игруще-глянцевый лоб Алексея Ивановича заиграл, как меха у тульской гармошки:

— Говорила мне маманя, не ходи на шофера учиться. Холодно. Руки мерзнут, ноги зябнут. Ха-ха-ха!

Он потер эти руки, прежде чем ухватиться за рычаг передачи. И потянулась к пассажирам всем своим длинным лицом:

— Уговаривала ведь: “Поступай в гинекологи. Всегда, Лексей, в тепле будешь!”

Немая сцена. Как у Гоголя.

Предпочтительнее матерщина, чем такие шутки.

Стало неловко даже Цифре, Надежде Петровне. Она среагировала голосом автоответчика: “Ну и шутник вы, Алексей Иванович...” — и потянулась опять за своей мощной с телефоном.

Поехали. По ледяным кочкам, виляя задом, тычась в снежные заносы и выползая из них.

Косов подумал, что Алексей Иванович, конечно, не эстет. Но где ему вкусу учиться? Надо быть милостивым. Водитель он был хороший, чуткий, понимал и машину, и дорогу.

До города нужно было добираться два часа.

Чего только не наслушаешься за это время!

В драмом металлическом чулке кузова две дамы, Лена и Цифра, не переставая, тараторили. Им поддакивал Эдик. Медсестра Валя окидывала всех, и Косова тоже, презрительным оком. Водитель был занят дорогой. Мальчик, которого Косов окрестил Варфоломеем, мерцал из своего дальнего угла чистыми, живыми глазами. И в этом взгляде было больше слов, чем на языках у Надежды Петровны и красавицы Лены. Он успевал глядеть наружу, слушал женский щебет, изучал лицо Косова, обхватившего свой старый, поцарапанный “дипломат”. Глаза отрока всему, происходящему на воле и внутри, давали оценку. Они то задорно воспалялись, то печально гасли, то рассыпались добродушными огоньками. И прощали. Всё прощали. У этого сиротки было еще все впереди. Большая, преогромная жизнь. И тысячи та-

ких же Алексей Ивановичей, Надежд Петровн, Косовых, с которыми он будет соглашаться, спорить и мириться.

Нет, Цифра все же органическое существо. Живая. Вот она рассказывает о том, что муж принес домой три компьютерных диска “дивиди”. И эти диски были населены двадцатью фильмами. Их надо было за сутки пересмотреть, чтобы вернуть хозяину.

Надежда Петровна мужественно поглядела все фильмы. Не спала, “только кофе и фрукты”. И кино. Они вышли из спальни с дочкой Кристиной, покачиваясь. Цифру сразу вырвало. И рвало весь день, хотя и съела три пачки активированного угля. И вот достижение — все же одолела все фильмы, которые к концу перемешались в голове и стали абсолютно похожими... “Ф-ф-ф-ф, вот так!”.

Еще Цифра сообщила всем, специально громко, что она ходит учиться на водителя, потому что они с мужем решили “выкинуть на помойку” свой старый “жигуль” и купить новую иномарку с передним приводом и без всякой там “муфты сцепления”, “передач разных”.

— Одна педаль да руль. Красота! Сплошное у — ё! Гламур.

Тотчас же Цифра пояснила, что слово “гламур” на современном языке означает изысканную роскошь.

Косов подумал, что такой автомобиль стоит полтонны деньжищ. Он поймал себя на том, что стесняется своей бедности, поцарапанного “дипломата” (царапины залеплены темной изолентой), вытертой куртки из толстой и дешевой чертовой ткани. Да, стесняется! И это разозлило его. Он ненавидел уже Надежду Петровну. Кукла. Дура! Шофер — пошляк, павиан. Даже отрок Варфоломей подозрителен. Чего это он так все изучает? Но более всего Петр Иванович ненавидел себя, свою сверхковую никчемность.

И в очередной раз, когда Надежда Петровна сказала свое часто повторяемое словосочетание “у — ё! В у — ё” (это означало “условных денежных единиц, долларов”, но с нашей иронией, которое вносила русская буква “ё” вместо “е”), Косов не выдержал.

Он разбил лбом невидимый стеклянный пузырь молчания, под которым обитал все время. И торопливо, ощущая себя почти помешанным, с горячностью стал доказывать очевидный вред богатства. Слова обжигали язык, как угли ступни ног у болгарского огнепроходца, но Косов все равно нетерпеливо диктовал:

— Вы думаете, Останкино, башня эта, сгорела зря? Дудки! Не зря она сгорела! Все — деньги! Все — мамона. Знаете, на чем основан принцип ядерного взрыва?

В микроавтобусе установилась тишина. Глаза слушателей ускользали от его взгляда:

— Ах, не знаете! Так вот. Уран сам по себе не страшен. Он как песок. Носишь горсть урана, и носи. Как песок. Но вот лишь только будет превышена критическая масса, соединилась одна горсть с другой, так сразу шархнет взрыв чудовищной силы!

Он повторил: “Чу!.. Чудовищной силы!”

— Даже если одна песчинка выше нормы, то произойдет взрыв. Ядерная катастрофа. Вот и там, в Останкино, произошел взрыв. Только там вместо урана — деньги, у — ё, как вы говорите. Лишний доллар — и пыхнуло, и все в золе. Навешали на эту сатану лишней арматуры, радиостанций, телецентров за деньги, вот и вспыхнуло. Потом “Комсомольская правда” занялась. Лишнее количество у — ё! Проще простого! Дальше, как пить дать, полыхнет “Московский комсомолец”.

Он оглядел всех твердым взглядом победителя.

Надежда Петровна дробно засмеялась, так, будто шарики в ней рассыпались. Медсестра Валя взглянула на Косова с любопытством, словно его надо было показать узкому специалисту — психиатру. Умный отрок Варфоломей обвел Петра Ивановича печальными грустными глазами.

Всю остальную дорогу Косов молчал, ругая себя за “атомный взрыв”, за ту самую критическую массу, которая понесла язык по кочкам. Зачем он нес свой правильный бред?

Хорошо, что вскоре приехали в город. Договорились о встрече вечером, чтобы всем опять, всем гамузом вернуться в станицу. Главное, конечно, мальчик, и то, как его примут в клинике, и долго ли будут крутить в своих руках врачи-специалисты. От мальчика, от врачей зависело время возвращения домой.

На улице заполошно то сыпал, то падал снег. То колючий, то пушистый. “Плюс” и “минус” спорили.

Удивительно быстро Косов управился с делами. Все нужные служащие в этот день оказались в офисе, в котором он числился агентом. И с удовольствием они листали его бумажки, подписывали их. И глядели на Косова, как на героя, отважившегося “в такую пургу, в такую даль!”.

Даже замзав Семёнцев, живо потрясая руки, спросил: “Ну, как там у вас дела... С этим самым... С погодой?”

— Мороз, ветер, снег! — отрапортовал Косов.

— Да, — обрадовался всему этому безобразию Семёнцев. — Молодец! Значит, жмет. Надо бы тебе того-этого приплатить!

“У — ё”, — скользнуло в скособоченном мозгу Косова. И Петр Иванович, с устойчивой мыслью “Все люди-братья”, потянулся за крепкой ладонью начальника. Сжал её.

Замзав Семёнцев вынул свою руку, тряхнул кистью и тут же исчез из коридора. Думать о странностях бытия.

На городских улицах уже сифонило жестче. Победил “минус”. Благо, магазины работали. И исправно. В магазине компьютерной техники сами собой перед любым посетителем распахивались двери. У Косова в натуре еще оставалось немного ребячливости, и он попытался было объегорить фотоэлемент, запрятанный то ли в потолке, то ли в дверном косяке. Дудки, не тут-то было. Фотодвери распахивались и звали Косова в теплое иноземное нутро с тихо, задумчиво мерцающими мониторами. Мониторы казались живыми существами. То, что к ним были подведены белые и черные кабели, не имело значения, а наоборот, создавало впечатление живых водорослей.

“Со временем из них родятся люди, — решил Петр Иванович, — из этих вот мониторов, “железа” и клавиш. Из мышек, сканеров и модемов”.

К Косову подскочил коротко стриженный, в белой рубашке и черном жилете юноша, спросил, что ему нужно и не показать ли чего. Этих адептов маркетинга Косов боялся. Он буркнул: “Я сам”. И отвернулся. Юноша упорхнул, опять чистить улыбку. Косов заметил, что в прихожей (вестибюлем назвать никак нельзя) этого компьютерного магазина находился пустой, бордового цвета диван с кинутым на него блестящим журналом и свободное же кресло.

Кресло и диван. Шик. Гламур! А тут он, в своей задрипанной куртке. Но Косов все же тихонько подсеменил к дивану и опустился на него. Он заметил, что юноши в жилетках не обращают внимания, и расслабился. Чего же он их так побаивается, робеет? Косов в тепле и с компьютерным журналом просидел полчаса, пока не подскочил к нему знакомый малый со знакомым же вопросом. Однако в этом вопросе уже чувствовалась неприязнь. Вместо ответа Косов решительно встал с бордового дивана и шагнул в радужно раскрывающееся стекло.

Побывал Косов и в книжном магазине. Книжный червь с детства, он в который раз убедился, что книги теперь стали тоже пластмассовыми, целлюлозой. Товаром со штрих-кодом. Вот — фантастика под соусом бесовщины. Вот — эмигранты. Вот Павич, Хулио Кортасар! Анатолий Иванов для деревни, для села — “Тени исчезают...”.

Книги и вид приобрели такой, что ими надо было просто любоваться. Как куколками. Книги — мыльницы. Неподъемные тома с закладками, цветным срезом. Иллюстрации прикрыты девственной плевой папиросной бумаги. Всё для богатеньких. Ваши деньги — наши услуги. Да, им-то и читать — зря глаза портить. Для интеллигента. Что хотите? Сорок килограмм? Пжалте!

Кажется, у него началась простуда. Даже здесь, в тепле, Петра Ивановича знобило. По старой “Нокии” Косов связался с водителем Алексеем Ивановичем.

Тот ответил, что с мальчиком, “главным заданием” — загвоздка. Из села, станицы то бишь, принимали во вторую очередь.

Вторая очередь для мальчика наступила тогда, когда на улицах города стало темнеть. Снег, сволочь этакая, проникал в рукава, а вместе с этими зимними “чудесами” в него лезла тоска. Черная, злая. Тоска, доска, таскать.

“Уазик” все еще стоял у ограды горбольницы, а Косов вымерял шагами трамвайную остановку, уже устеленную снежными гробиками. Боже мой! Он находился в слепом оцепенении. И настойка марьяна корня не помогала.

Наконец, добрый человек Алексей Иванович откликнулся на повторный звонок. Все хорошо, но в городе ужасные пробки.

Алексей Иванович предложил Косову подождать еще полчаса. Таска тоски. Тиски тоски. И когда тот намеревался было улечься на косу, чтобы, как ямщик, уснуть навсегда, перед ним очутился темно-зеленый, с белыми подпалинами “уазик”.

“Псих! — сам себе сказал Косов, выпрыгивая в тепло машины. Дальше от снеговых пирамид. — Шизоид!”

Все обрадовались Петру Ивановичу, как старому знакомому. Словно этот чудила с сумасшедшими теориями был самым близким человеком. Вот-вот все кинутся целоваться, обниматься.

Не целовались. Но, как ни странно, Косов и сам почувствовал тепло к этим случайным людям, у которых свои радости и печали, свои заблуждения.

Банки с икрой на столике уже не было. От яблока осталась половина, с ржавым укушенным боком. Милая Надежда Петровна, как ни в чем не бывало, рассказывала о чудесной кухне, которую они вчера только установили в своем новом “штучном” доме. Три тысячи у — ё. А что? Имеет право. Она ведь работает юристом в соцзащите. Красавица Лена не завидовала Надежде Петровне, а умно улыбалась. Мол, какие ее, Ленины, лета, и у нее будет машина с передним приводом и такой же телефон с дозвоном, видеокamerой, папками, как в компьютерном “виндовсе”. Все это не за горами. Рукой подать.

Даже медсестра Валя уголком своего ярко и четко напозаженного рта улыбнулась Косову. Молодец, дождался.

Из-под лысины Алексея Ивановича торчал батон. Шофер откусывал от длинного рыжего батона и вел свою “лайбу” с тем же утренним мастерством олимпийского фигуриста.

Стекла у микроавтобуса потемнели. Они отталкивали белые полосы летящего в том, чужом пространстве снега.

Из города еще не выбрались. И еще не была съедена длинная булка. Спина у водителя наклонилась, плечи дернулись. И повернутый к пассажирам гуттаперчевый лоб растянулся, как меха тульской хромки.

На этот раз откапшался Алексей Иванович: “Кажется, того... Кажется, полетел ремень генератора... Такие дела”.

— У — ё-о-о! Чем это грозит? — привстала практичная Надежда Петровна.

— Грозит полной остановкой транспортного средства. И ночевкой на улице! — тут же отпасовал Алексей Иванович и, скинув овчину с мотора, задрал жестянку капота.

— У знакомых!

Странно.

Косов почему-то взглянул в дальний правый угол. Отрок Варфоломей кротко сидел там. И в сумерках его лицо казалось еще тоньше, прозрачнее, печальнее.

Косов подумал, что в городе этом хоть кто-то знакомый у него есть, но беспокоить их он не будет.

— Но в автобусе ночевать никто не останется, — влез в его мысли шофер и тряхнул витой своей паклей. — Н-да, н-да... Так и есть... Ррр... ремень генератора.... Ну, прохлады мотору хватит на полчаса... Дальше мотор перегреется. И аккумулятор сядет.

“Критическая масса!” — пролетело в мозгу у Косова.

— У — ё! — выругалась Надежда Петровна. — Но есть ведь магазины. Алексей Иванович обернулся.

— Нам запрещено покупать в магазинах! — У шофера лицо сделалось, как у иезуита, какими их показывали в старых фильмах. — Ну, да. Только на электронных торгах. Ррр-ремень того... Порр-рвался!

“Что за чушь! — удивился Петр Иванович. — Какие еще торга, торги среди ночи, в пустом городе?! На Луне”. Он не совсем осознавал ситуацию. Но вот ломило колени, ныл затылок. Грипп, гриб.

“Торги, торгами, о торгах!”

Город, однако, не был пустынным. Вдалеке, за темной стекольной перегородкой, то зеленым, то синим, то красным плясала косматая реклама.

Шофер-иезуит пояснил:

— Магазины с этими ремнями есть, и ремень этот стоит недорого, полтинник, но я не хочу каждый раз платить из своего кармана. Потом хоть какой чек бери, Любовь Степановна не оплатит. Мне надоело все из своего кармана платить.

— А мальчик как?.. — не выдержал Косов. — Замерзнет.

Он вздохнул.

Невозмутимый бюст медсестры повернулся к нему. Она, кажется, человек.

— Об этом должна думать Любовь Степановна. А я всех до единого возму и высажу.

— Ну и шутник вы, Алексей Иванович, — воркнула красавица Лена.

Она не верила в высадку на Луне.

Рваную шелку на ее джинсах закрывал ладонью Эдик. От него шел крепкий пивной дух.

Эдик поддержал подругу: “Шутит!”

Но Петр Иванович уже ясно понимал, что разыграем здесь и не пахло. “Но это же пустяки, — решил Косов, — Сбросятся по десятке. И ремень новенький натянута. Что за ерунда!”.

Он высунулся с предложением:

— Давайте по десятке... На ремень этот... Того-этого.

— Принципиально не буду! — зло выдавила из себя Цифра. — Пусть правительство думает. И Любовь Степановна.

Алексей Иванович обрадовался словам социальной юристики:

— Вот-вот. Поняли, Надежд Петровна! Сколько можно меня тыкать туда-сюда, сколько можно помыкать мной?!

Он покраснел.

Медсестра вынула было свой червонец, но опять сунула его в опушенный мехом карман.

Щека Лены припала к хмельной щеке Эдика. У Эдика лицо сделалось ангельским. Но с кривым вывертом.

— Выпущу всех на Красных Партизан или на Северной. Где скажете, где удобно, — Алексей Иванович включил желтый свет в салоне и обвел всех своим действительно фанатическим взглядом. Шофер оказался натурой меняющейся. Цифра спокойно вытаскала свой телефон, отвернулась к окошку и зачастила в трубку на непонятном и, кажется, нечеловеческом языке. “Бам беус бу, бука, бека”. Точно, инопланетянка.

Косов подумал: “Ах, черт с ними, всеми вместе! С их принципами, с южной этой куркулистостью. Маскировка всё, камуфляж. Сейчас он оддерет из своего дырявого кошелька этот полтинник на дурацкий ррр-ремень”.

Шанс, его шанс.

— Я и есть электронные торги! — дурашливо воскликнул Петр Иванович и, встав, протянул свою денежную бумажку сидящему к ним лицом шоферу. Дурашливость была сдобрена маслом.

Косов опять ощутил в душе едкую хлорку: “Ты, Косов, есть трус и негодяй”.

Шофер по-лошадиному замотал головой:

— Не возьму. Принцип! Ссажу всех на Красных Партизан.

— Что за шутки! — ровным голосом проговорил Косов. “Ты, Косов, есть молодчага”.

— Никакие не шутки. Надо с этим бардаком кончать.

— А мальчик?! Вы за него ответите. В тюрьму угодите!..

— Пускай хоть расстреляют, а без нового ремня я не поеду. — Он четко, по слогам повторил: — Не-по-е-ду!

Телефонные переговоры Цифре не удались. Она надула губы. В сумраке губы казались аспидно-черными. И тут — метаморфоза. С Цифры-гламурки слетела прежняя автоматичность. Она оказалась простой, как точильный брусок, злой русской дурой с передним и задним приводом.

Цифра, обозлившись, тоже закричала. Но опять это была тарабарщина из русских слов.

На пивной ингредиент в “лайбе” действовать было бесполезно. Лена энд Эдик срослись. И им было все равно, где находиться: на Северной, на Красных Партизан или на ночном светиле. “Селена-эна-а” — была такая песня в его молодости. Селена — Луна.

Но что же делать?

В конце концов, можно было позвонить домой. Увы, на старой “Нокии” сел аккумулятор. Зло — тоже на пивных дрожжах. Одно лепится к другому.

— Ну, возьми-те! — еще раз он потянулся к Алексею Ивановичу, понимая бессмысленность жеста. Он явно клячил.

Алексей Иванович извлек из кармана дверцы связку ключей и стал молча копать в моторе. Обдывать свечи.

Лысина побагровела, стала как диван в компьютерном магазине. Ныр — туда, ныр — обратно. Поплавок.

— Вы ведь знали о своем ремне генератора? — громко окликнул лысину Косов. — Почему же выехали на неисправной машине? Эй! Вы ведь знали?

Сам Петр Иванович может, когда захочет, быть иезуитом и методичным мучителем.

Шофер взглянул на него с любопытством. Лоб эластичный. Морщины исчезли.

— Да, я читал книжку, вот. Вот читал, детектив. И ждал четыре часа мальчишку. Ждал! И знал о ремне! Ну?.. Ну?.. Знал! Скажи, мил человек, за что я должен отвечать, за утиль, старье, за рухлядь?..

— Ну? Гну! Вы знали о ремне генератора? — голос у Косова чужой, как сверло.

— Знал! Знал!!! — неожиданно на весь автобус вскричал Алексей Иванович. — Но ведь меня никто никогда не спрашивает. За воду — дерут, за газ, за туалет в городе — пятерку выложит. Что за жизнь? Все оно, оно виновато!

Анатолий Иванович воткнул в потолок своей “лайбы” указательный палец! У — ё, у — ё-о-о! Одно у-ё-о кругом, сволота! Вот и у — ё из машины! Все у — ё-ооо!

Он откинулся назад, к ветровому стеклу. Чуть не выбил его своей кудельной, растрепанной головой.

— У — ё-о-о!

Шофер сбесился.

Иезуитский голос Косова перервал вопль:

— А вы ведь и бензин воруете. С “узлика” бензин. Тащите, продаете. Левака подкидываете?

Шофер тряхнул лицом, словно сгоняя морок:

— Ворую! Подкидываю! Граблю! Ножом пыряю. Бандога я! А как жить прикажешь? Гражданин... Господин... Гражданин...

— Петр Иваныч.

— Петр Иваныч. Как кормиться-то картохой одной в мундире? Как после войны, жалко живем! Картоха, и та кусается. Пятнадцать рубликов за килограммчик. Возьмешь на базаре у бабок, а в картошке полкило земляной моли! И жуешь вместе с молью. На гарнир.

Он махнул тяжелой, в темных венах рукой. Этой же рукой Алексей Иванович нащупал ключ и опять стал ковыряться в моторе.

— Эх, эх! Уф-уф! — только и слышалось.

Наконец, он вытащил и лысину, и торцевой ключ. Выпрямил спину.

И с лица слезли все морщины: “Закрепил! Поедем, значит! До станции хватит!... Запевай, чего приуныли. Говорила мне мама...”

Вот так фрукт!

Продолжение монолога все уже знали.

— Говорила мне мама: шуруй в гинекологи. Это я вас всех испытывал, — вытер руки ветошью шофер. — Государство куркуль, и вы поголовно — куркули.

Чуден человеце! И прекрасен.

“Бандюга” улыбался молодым, чистым лицом.

Сказано это было не обидно. Значит, поедем.

Надежда Петровна опять стала Цифрой, сунула руку в мощну.

Лена с Эдиком оторвались друг от друга и закачались отдельно в движущемся, трясом сумраке. Медсестра Валя вздохнула, словно давно что-то держала в душе и наконец освободилась. Почему она так безвкусно разрисовывает свои толстые губы? Как бы ей подсказать...

А мальчик?.. Уже так темно в этом нутре “уазика”, так темно. И лишь в уголке теплится, как язычок свечки, его лицо. Кротость. Такого теперь мало. И слово забыли. Отрок Варфоломей, наверное, все понял. Сейчас детям дается другое зрение. Они не будут, не будут такие истасканные жизнью клячи. Детям дается тоже испытание. Только они, новые, чистые, выдержат грязь и несусветную пургу, небывалые для юга холода, всякие у-е-у-ё. Они выдержат и эти экзамены мамоной, бесовщиной разной. Вы-дер-жат!

Косов за долгий путь отсидел ногу. И когда спрыгивал с “уазика” в станции, не почувствовал эту ногу. И чуть было не шлепнулся в сугроб. Он долго стоял, ожидая, когда нога “придет в себя”. Косов заметил, что снегопада уже и нет. Тишина, легкий мороз. Казачий край, юг все-таки. Каприз природы. И на небо выкатилась луна, круглая и белая, как таблетка шипучего аспирина. “Лайба” давно ускользнула, а луна — та стояла. Селена на приколе у Геи, матушки-Земли. “Селена-эна-а”? И кто был тот мальчик с тонким лицом? Неужто сын ханыжки? Вряд ли. А может, это был его ангел? Говорят, ангелы в исключительных случаях являют свое лицо. Да, вот еще факт. Косов вдруг в порядке бреда решил: мальчик этот, Варфоломей, поразительно похож на него, Косова, в детстве. Сейчас он придет домой, достанет старую фотографию: там он с чубчиком и голым затылком. С собакой. Удостоверится, “сличит”, как говорили в его селе, давно пересаженном на Селену.

“Схож, схож, схож!” — скрипел под ногами рассыпчатый, подбитый морозцем снег.